(110) (18)

[190 ?]

М-1

35, 6:I (13)

Какъ извѣстно, Шопенгауеръ величайшую дѣло-
заслугу, какой видѣлъ въ томъ, что онъ
~~доказалъ, что~~. Утвержденіе, что пространство
и время суть только субъективныя формы нашего
воспріятія казалось Шопенгауеру величай-
шимъ человѣческимъ прозрѣніемъ
въ тайны мірозданія. И въ самомъ дѣлѣ,
если допустить, какъ кажется, что
пространство и время суть дѣйствительныя
формы человѣческаго воспріятія міра, то
нужно признать, что и въ самомъ дѣлѣ
исторія философіи не можетъ ~~указать~~
противопоставить какой-бы ни было отвѣтъ
никого, чтобы имѣло хотя приблизительно
равное силу значенія. Люди даже и не
предчувствовали, что можно напасть
на слѣдъ такой истины. Какъ разъ вре-
мя и пространство являлись источ-
никами всѣхъ бѣдствій.

35 и 6:I (13)
недостаёт конца

VI
под заглавием
Молчаливая предпосылка стр 69-75

Шопенгауеръ первый въ философіи поста-
вилъ вопросъ о цѣнности жизни. И, какъ
извѣстно, далъ на него очень опредѣлен-
ный отвѣтъ: въ жизни, говоритъ онъ, гораздо
больше страданій и горя, чѣмъ радости, сле-
довательно, жизнь должна быть отвергнута.
Любопытно, что онъ собственно ~~сдѣ~~ поста-
вилъ не только вопросъ о цѣнности жизни, но
еще и о цѣнности радости. И на этотъ вопросъ
онъ получилъ не менѣе опредѣленный отвѣтъ:
всѣ радости, ~~говор.~~ по сложенныя, отрицательныя,
страданія же — положительныя. Стало быть по
самому существу ~~дѣлѣ~~ радость не можетъ
искупить горя. Въ всей этой философіи

38,2×25,1

стр 70

построений — и въ постановкѣ и въ разрѣшеніи вопроса — особенно интересна одна ~~пред~~ мрачно-мечтательная, неразрѣшимая предпосылка. Шопенгауэръ показалъ, что его собственная оцѣнка всей жизни, радости и страданій — должна заключать въ себѣ нѣчто общеобязательное и совпадать съ оцѣнкой другихъ людей. Съ чего онъ взялъ? Психологическій ходъ мысли Шопенгауэра понятенъ и легко объяснимъ. Онъ привыкъ къ научной постановкѣ и разрѣшенію вопросовъ — и въ занимающій его вопросъ онъ перенесъ пріемы изслѣдованій, которыя по общему признанію, обыкновенно приводятъ насъ къ истинѣ. Свои предпосылки онъ не провѣрялъ ad hoc, да и вообще въ предпосылку только тогда провѣрять каждый разъ, когда въ ней обнаруживается надобность. Ее даже не приходится и называть, выставлять на видъ. Она сама собою разумѣется. Если основной признакъ всякой истины есть ея всеобщность и обязательность, то и въ данномъ случаѣ истинной ~~на отвѣтомъ~~ отвѣтомъ ~~то~~ на вопросъ о цѣнности жизни будетъ лишь тотъ, который окажется пріемлемымъ безусловно для всѣхъ людей, даже для всѣхъ разумныхъ существъ. Такъ бы, вѣроятно, отвѣтилъ Шопенгауэръ, если бы кто-либо [кроме него] усомнился въ его правѣ на общую постановку вопроса о цѣнности жизни. Однако, едва-ли бы Шопенгауэръ былъ правъ. Это, между прочимъ ~~о~~ выясняется и изъ тѣхъ возраженій, которые ~~въ~~ ему предлагаются его противниками. Его упрекаютъ въ томъ, что самая постановка вопроса предполагаетъ субъективную точку зрѣнія — совершенно. Вопросъ о цѣнности жизни, возражаетъ ему, вовсе не рѣшается тѣмъ далѣе-ли

для того чтобы имѣть право называться истиной!

стр 71

вообще и итоги жизнь больше радости, чем страдания, или наоборот. Жизнь может быть глубоко мучительна и безрадостна, жизнь может представлять собою одни сплошные ужасы — и все таки быть чрезвычайно ценной. Философия Шопенгауэра не обсуждалась при его жизни, так что он ничего не мог отвечать своим противникам — но, если бы он был жив еще, приняла ли он эти возражения и отказался бы от своего пессимизма? Убедился, что прав. Вместе с тем, и убедился, что и его противники оказались бы столь-же стойкими, как и он, и продолжали бы утверждать свое: не в радостях и не в горе единственно оценивается жизнь по совести иному, автономному масштабу. И вот при этом споре важнее бы, так может быть, для обеих спорящих сторон, что предпосылка, о которой я выше упоминал, которую они обе приняли, как не требующую доказательств и разумеющуюся без объяснений, требует и доказательств и объяснений. Нельзя впередъ знать, будут-ли все люди при оценке жизни пользоваться одним и тем же масштабом. Для иного эвдаймонистическая точка зрения окажется последней и решающей, для другого она окажется низменной и предрассудочной и он станет искать в жизни цели не в достижении блага или иной какой эстетической или этической цели. Найдутся и такие, которые станут восхвалять горе и страдания и именно в них видеть справедливость и глубокую значительность жизни. Я уже не говорю о том, что при подведении итогов жизни могут получиться самые противоположные результаты, что смогут высказывать спора по поводу

72

по поводу отдельных частностей. Шопенгауэр, например, считает, что страдания положительны, радости же отрицательны и потому находит, что ради самой большой радости не стоит подвергать себя даже малой неприятности. Разубедить его сделать бы было возможно, но есть множество людей, совершенно иначе смотрящих на дело: ради достижения одной лишь радости, они готовы на какие угодно трудности. Словом, предпосылка Шопенгауэра совершенно неправильна и не только не может быть принята, но несомненно, по повидимому должна быть квалифицирована, как несомненное заблуждение. Но вопрос о цели почти жизни ~~принимает в разном~~ не может быть даже единый, для всех обязательный ответ. Исполинскими мы сталкиваемся здесь с чрезвычайно любопытными и важными с гносеологической точки зрения случаями. Оказывается, что на основной (или самой важнейшей) философский вопрос по самому существу дела не может быть даже единообразного ответа. Если вам скажут, что есть жизнь — добро и зло, то принуждены сказать, что жизнь есть и добро, и зло, и почти совершенно индиферентна, и смесь добра и зла, в которой больше добра, чем зла или больше зла, чем добра и т.д. И, подчеркиваю, что каждый из этих ответов, не смотря на то, что логически они друг друга совершенно исключают, в праве претендовать на звание истины, так как, если не обладает достаточной внутренней силой, чтобы заставить преклониться предъ собой другие ответы, то в большом случае найдет в себе силы, пускае чтобы

Что можно возразить на это?

стр 73

73 а М-2 3

защиться отъ нападений враговъ и обрѣсть свои суверенныя права. Вмѣсто единой и всевластной истины, предъ которой преклонуть бы правовѣрныя воззрѣнія, возникнетъ предъ собой цѣлый рядъ прекрасно вооруженныхъ и защищенныхъ истинъ. Вмѣсто королевскаго режима феодальный строй. И феодалы крѣпко сидѣли въ своихъ замкахъ: ~~съ перваго взгляда~~ сразу видятъ, что изъ укрѣпленій неприступныхъ взялъ для примѣра ученій Шопенгауера оцѣнки почти лишни. Но всѣ философскія ученія, не смотря на то, что они исходятъ изъ предпосылки о единой, суверенной истинѣ — являютъ намъ примѣръ множественности истинъ. Обыкновенно думаютъ, что исторія философіи слѣдуетъ изучать затѣмъ, чтобы воочію убѣдиться въ томъ, какъ постепенно человѣчество преодолѣваетъ свои заблужденія и приближается къ полнѣйшей истинѣ. Я думаю, что исторія философіи ~~на~~ всякого безпристрастнаго, не зараженнаго сбромонками предразсудками, человѣка должна привести къ прямо противуположному заключенію. Несомнѣнно существуютъ цѣлые ряды вопросовъ, которые, какъ и вопросъ о цѣнности вещи по самому своему существу, не допускаютъ единообразнаго разрѣшенія. Въ этомъ свидѣтельствуютъ часто люди, которые менѣе всего ~~заинтересованы~~ добиваются въ лицемѣрномъ истинѣ съ королевскимъ прерогативъ самовластія. Возьмемъ для примѣра Натора. Онъ съ увѣренностью утверждаетъ, что Аристотель не понялъ Платона. „Der tiefere Grund ist die ewige Unfa"higkeit des Dogmatismus, sich in den Gesichtpunkt der kritischen Philosophie u"berhaupt zu versetzen". Ewige Unfa"higkeit — слово то какое! И не о комъ нибудь, а о величайшемъ изъ когда-либо

74

Натор

VII др 74

существовавшихъ умовъ — объ Аристотелѣ. Если бы натуръ дѣйствительно могъ быть нѣсколько спокойнѣе и безпристрастнѣе, его бы такого рода свѣдѣ Unpa"hidkeit доставила бала бы помѣньшей мѣрѣ на столькомъ обезпокоить и заинтересовать, какъ философія Платона, которой онъ посвятилъ свое большое сочиненіе. Ибо, мы очевидно тутъ стоимъ предъ великой загадкой: разные люди, смотря по ихъ душевной организаціи, осуждены еще въ утробѣ матери имѣть ту или иную философію. Догматики, пожалуй съ той же увѣренностью станутъ говорить объ „свѣдѣ Unpa"hidkeit" ихъ противниковъ. Тутъ мы сталкиваемся съ ученіемъ, по своему характеру совершенно напоминающимъ суждеціи Кальвина о предопредѣленіи. Богъ еще до рожденія однихъ осудилъ на гибель, другихъ на спасеніе; однимъ далъ, другимъ не дано знать истину. И вѣдь на одинъ натуръ такъ думаетъ: вся современная философія, точнѣе всѣ современныя философы, постоянно спорящіе между собою и ~~вѣдь опровергающій другъ друга~~, подозрѣваютъ другъ друга въ „свѣдѣ Unpa"hidkeit". Такъ способомъ убѣжденій, которыми располагаютъ представители другихъ, положительныхъ, наукъ у философовъ нѣтъ. Прокудить всякого въ желательномъ заключеніемъ они не умѣютъ. Ихъ послѣднее ratio — ихъ личный взглядъ, ихъ личное убѣжденіе, ихъ послѣднее убѣжденіе — сводится на вѣчную неспособность ихъ противниковъ понять ихъ. Тутъ, для всякого, заинтересован-

Косность грозит человеку — и не отдельному лицу, как мы имеем в виду, но и всему, как мы имеем в виду, безбрежное море, гладкую гладь, широкую степь, дышащую на молодое здоровое животное... Выработанный такой „взгляд" поселит в зарифа фантазии, поэзии, искусства. Но, скажем, — какой ценой, какой ценой выработан его? Какой путь, тропа, фантазия. Иначе: чего же достигнет человеку, чтобы не выдержит всякой и своих бывшими чувствами отношений? Океан — могучий, прекрасный и — гонимый кровь. Кроме Гамлетов и их учителей Лиллоганы романы — такие прекрасные и могучие, и такие кровь. Молодые животные — кровь, ибо молодость всегда прекрасна. Значит, нужно человеку найти источник силы и прогресса?!

Ибсен покинул корабли и ушел от отдельной борьбы — ясно видя, что на людей они повлиять не могут и, т.к. они помочь погибшим корабельщиков — то политика потерпит мир, — видимый и невидимый. Назывался ду внутренняя борьба, которая разрывала глубоко раздоры драмы, завоевывая они критики. Если бы и здесь постигла бы Ибсена неудача? Возможна длительная борьба? Есть ли в творчестве Ибсена отсюда такой борьбы?

„Mais onne" в центральной фазе, — опять поэзия Ибсена — поэта, и трагедия Ибсена человека. Назначим сказать, что такие — поэзия — порождения связаны внутренней необходимостью. Поэзия человека — проявление одно из необходимых проявлений жизни. Сама, которая нарушает настоящая поэзия возникающая из бытия человека!?

Важного для прогресса изгнания неизменным. Сегодня — все и модернизировать жизнь всякого и как бы вечной природы человека. Среди многих противоречий жизни и с поэзией много сомнений, невозможность начать из человеческой формы мышления человека.

35,7 × 2,21

ровать. Все, даже отдельно взятые, увлекающиеся этим подобным занятием — сильно и безудержно. Винят в этом все — даже самые мудрые писатели недозволенно моралью пренебрегают. Вообще говоря — в этом отдых бы не было. Нет, если человеку нужно морализировать — пусть он для развлечения.

Всякого рода предрассудки и унаследованные привычки непоколебимы и трудны. Старые — все хорошо узнанные, новейшему второй и даже вовсе природой стали. Мне пришлось присутствовать на собрании очень порядочных людей, среди которых было много наиболее выдающихся представителей церкви и литературы, и слушать, как в течение нескольких часов они подробно и обстоятельно доказывали, что будущее цивилизации было одно. Мне и говорили, „что будет" Насколько далеки не прошло в голову усомниться в законности такого вопроса. Да почему ~~один~~ только одно из двух возможных будущих, либо брак, либо цивилизация? И почему тот, который выбирает — пример, чтобы отдать на свою публику, должен исходить из того или иного рассуждения и сомнений? И наоборот, тот, кто сторонник женщины во что бы ни стало, нуждается в оправдании. Ни литератор, ни священник, ни защитник брака, ни сторонники цивилизации этого вопроса не говорили. Всем было ясно — что тут сущая вульгарность и сомнения даже нет: одно хорошо, другое дурно. Проводились всевозможные дискуссии для большего рвения и соблазна, тонкости остроумия, ученость — но всегда недобросовестная для противной стороны. И даже это было — существовало новое сомнение не менее сильное, что новый предмет сказать — не существует. Что значит „будущее" — никто не знает, правда, французы, которые дискуссии любят, изощряются ум свой показать во всю силу и остроумие. Все были убеждены, что существует во всякой сладострастной идейной кроме или сверх, которой изощривается вся покорная часть людей. В каждой по своему — отстаивая какие мнения,

отчего „Брандъ" такой дикой? Так много разнообразной, доказательной, отвергнутой?

Брандъ перепробовавшъ крепъ бунтующій фіордъ — рисковалъ своимъ имѣніемъ. Въ постоянномъ проповѣдываніи возмущенія на всѣхъ окрестностяхъ — и тѣхъ, которые за сотъ до того готовы были лобызать его колѣни, восторженно уверявшихъ его въ любви у ихъ единственнаго. Безстрашіе предъ опасностью всегда отдѣльного лица. Но и сомнѣвается въ томъ, вправѣ ли онъ былъ использовать въ такой мѣрѣ для нравственнаго подвига. В безстрашной дочери говоритъ безстрашіе людей. Перебирались ли когда нибудь К. предъ фіордъ, чтобъ спасти погибающую душу? Отъ этой вершины Тургенева „King" страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ. Зритель не доволенъ высокимъ подвигомъ, но которое онъ не сомнѣвается, ибо онъ не удовлетворенъ разсказомъ объясненнаго внутренняго существенности безстрашія. Мы какъ-бы разъ подвигъ, отлично бы нужно удивляться, удивляться и удивляться. И чтобъ больше предположить — тѣмъ вѣрнѣе. Не ~~это~~ оценка. Но это? Корень подвига, невидимый и потому загадочный, должен быть изслѣдованъ. Иногда тамъ, гдѣ онъ видимъ подвигъ, на самомъ дѣлѣ — только самоудовлетвореніе или покушеніе на самоубійство. Иногда — неукротимая ясная борьба съ всякими препятствіями. Иногда — полная чуткой воли. Можно было бы разсказать о внутренней природѣ подвига. И такъ разсказать, что лучше всякого словоловія. Но сами не словоловить. Вспомнимъ слова Пскаля, что поэтъ часто говоритъ очень хорошія вещи, смысла которыхъ онъ самъ не понимаетъ.... Не подъ этимъ ли разомъ зрѣнія разсматриваетъ Брандъ? Или вдругъ будетъ все тѣмъ добиваться отъ поэтъ не хорошихъ словъ, которыхъ онъ не понимаетъ,

Начало! 1)

Платон утверждает, что поэты часто высказывают очень глубокие мысли, значения которых они сами отдаетей непонимают. Всегда следует, что, к этим мнениям поэтов — нужно относиться только с тем, что они высказывают и не удовлетворяться истолкованиями, или сразу остановившись на предположении, что поэты вещали, как оракулы, не зная слова. Подобное предположение в древние времена считалось полным выражением — да и в наше время пожалуй иной раз поэты не прочь считаться посланниками богов, поэтому ради такого случая приходится отказываться от понимания абсолютной правды. Но если отрицывать они становятся непонятными, которые при всей собственной простоте и видимой глубокомысленности, все же поэты на своем языке говорят истинной правдивости, если отнимаются вот доводы — то утверждения Платона придется все же ограничить. Я думаю, можно, что поэты вкладают глубокую мысль, в то время сами не понимают, но чтобы все ~~понимает~~ одинаково все времена и от философов — и без видимой такой порядка вещей в прямого и никакого основания. Иной раз глубокомысленно обмолвится умным словом, ребенок разгадывает загадку которую не отгадали взрослые. Такой случай не лишен интереса —

De omnibus dubitandum — во всемъ должно усумниться. Исполнима-ли такая задача для отдѣльнаго человѣческаго ума? Въ дѣйствительности во всемъ сомнѣваться, то, стало быть нужно допустить, что Іуда былъ правъ предавъ Христа, Пилатъ правъ, осудивъ его, что упрекъ Ксантиппы Ксантиппы и помогъ, которая она выливала на голову Сократа {сточила бодрость} заключали въ себѣ больше смысла, чѣмъ ученіе того, кого оракулъ признавъ мудрѣйшимъ изъ людей, что Терситъ былъ благороденъ, а Патроклъ ничтоженъ, что Александръ Македонскій былъ шутомъ, а Геростратъ великимъ человѣкомъ и т.д. и т.д. — безъ конца. И все это — во имя у Декарта! Спрашивается, продѣлалъ-ли самъ Декартъ такого рода экспериментъ во всей его полнотѣ, ~~усумн~~ сомнѣвался-ли онъ во всемъ? Или, de omnibus dubitandum — лишь незаконное обобщеніе ограниченнаго опыта? Декартъ усумнился только въ чемъ-въ чемъ, правда въ такомъ, въ чемъ никто изъ людей никогда не сомнѣвался, и отсюда сдѣлалъ заключеніе, что собственно слѣдовало бы усумниться во всемъ, если бы человѣкъ былъ на это способенъ. Но такъ какъ человѣкъ на этого сдѣлать не можетъ, то пусть правило остается правиломъ — а люди уже станутъ справляться съ нимъ по мѣрѣ силъ. Кто станетъ провозглашать ~~Сокра~~ Ксантиппу на честь Сократа, кто Терситъ на честь Патрокла, кто Геростратъ на честь Александра — а можетъ быть найдется и такой державный человѣкъ, который осмѣлится утверждать, что Христосъ заслужилъ свою позорную казнь, ибо проповѣдовалъ вредное и опасное ученіе. Если бы люди всегда имѣли въ виду Декартово правило и не {столь бы строго} такъ торопились къ послѣднимъ утвержденіямъ, очень можетъ быть, что въ литературѣ и въ философіи нельзя было бы найти и двухъ человѣкъ, которые бы {одинаково судили} хотя въ чемъ нибудь сходились. Каждый бы судилъ и цѣнилъ по своему и не было бы ни одного историческаго событія, которое бы одинаково оцѣнивалось всѣмъ. Для однихъ великимъ былъ бы Платонъ, для другихъ Платонъ былъ бы ничтожествомъ, одни восторгались бы основателемъ христіанства, другіе творцомъ Корана. Въ нѣкоторой степени такое явленіе наблюдается и сейчасъ. Поговорите съ правовѣрными мусульманами

у нихъ для христіанства нѣтъ иныхъ словъ, кромѣ словъ презрѣнія — слова же похвалы они всѣ приберегаютъ для ученія ихъ великаго пророка. Но, правда, считаемся и азіатской культурой, разъ на всегда утвердившись въ предположеніи, что родина всѣхъ истинъ — Европа, ибо въ Европѣ выдумали пушки, желѣзныя дороги и прочее. Намъ даже, кажется, ~~непри~~ въ курьезности, что единственная распространенная религія это — христіанство, хотя намъ всѣмъ извѣстно, что среди ~~ихъ~~ 800 милліоновъ населенія Азіи христіанство почти не имѣетъ послѣдователей. Но Азія — далеко и магометанство, какъ и буддизмъ въ разсчетъ не принимаются. Едва-ли самъ Декартъ серіозно сомнѣвался въ томъ, слѣдовать-ли ему ученію Евангелія или Корана. Возьмемъ даже болѣе простой случай, — изреченія нашихъ современниковъ о Симпозіонѣ Платона. Идеализмъ Платона всѣ цѣнятъ и одобряютъ, даже тѣ, которыя дальше похвалы словамъ не идутъ. Повѣдь тамъ-же разсказывается о томъ, что любовь мужчинъ къ мужчинамъ выше нежели любовь мужчинъ къ женщинамъ... Кто изъ насъ настолько объективенъ, чтобъ, отказавшись отъ привычнаго отвращенія къ противоестественнымъ порокамъ, признать, что и въ этомъ пунктѣ Платонъ былъ такъ-же великъ, какъ и во всемъ, чему онъ училъ? Кто предложитъ выкинуть вытекающія изъ духа Платона? Немногіе даже согласятся отмѣнить эти статьи уголовнаго уложенія, которыя карается противоестественную любовь! А кто согласится, тотъ, во всякомъ случаѣ потребуетъ, чтобъ виновные субъекты переводились изъ тюрьмы въ больницу. Отъ великаго, до смѣшнаго только одинъ шагъ. Участники Симпозіона по нашимъ обычаямъ и законамъ, были бы переданы либо въ руки тюремщиковъ, либо въ руки врачей. А, если такъ, если дѣйствительно великое и смѣшное такъ плохо отграничены другъ отъ друга, то не значитъ-ли это, что всѣмъ нашимъ разсужденіямъ о величіи, самому понятію величія только по недоразумѣнію отводится столь почетное мѣсто ~~какъ~~ въ домоводствѣ ~~ракуде~~ ~~ятіяхъ~~ ?! ~~такъ и въ жизни~~ ? Жизнь пряма и привлекательна чѣмъ-то совсѣмъ инымъ, — такимъ, что по существу своему ничего общаго съ величіемъ не имѣетъ

Платонъ утверждаетъ, что поэты часто высказываютъ глубокія мысли, значеніе которыхъ имъ самимъ непонятно. Въ этомъ мы видимъ особенность теоріи поэтическаго творчества, ~~и вытекающую отсюда основную принципа литературной критики, если подъ литературной критикой понимать и мысли~~ опредѣленія и задачи литературной критики. Поэтъ можетъ быть ничтожнѣйшимъ существомъ — и это нисколько не вліяетъ на характеръ его произведеній. Ибо онъ устами, вдохновенно-маніакальными, говоритъ боги, у которыхъ достаточно ума и добродѣтелей, такъ что своими напѣвами и гиметрами они выбираютъ умы людей помимо, ибо поэтъ полагается только механически воспроизводить громко, что слышно подсказывается поэтомъ. Если принять теорію Платона — то задача критики сводится лишь къ добросовѣстному изученію изрѣченій поэта, ибо тонкое изученіе является одинокимъ изъ способовъ стоять манящаго всѣхъ смертныхъ общенія человѣка съ небомъ. Но, если не принять теорію Платона, которая для современнаго ума уже не можетъ казаться столь убѣдительной — то задача критики чрезвычайно усложняется. Нельзя уже допускать, что поэтъ не понимаетъ того, что говоритъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и цѣнить глубокія мысли, если допускаешь, что высказавшій ихъ ихъ не понимаетъ. Уже тогда сомнительно, что поэтъ не понимаетъ своихъ мыслей уже ~~въ~~ рѣшительно отрицательному и безповоротному осужденію ихъ. Ибо единственное оправданіе мысли это ея происхожденіе. Трусъ, воспитанный при храбрости — занимается краснорѣчіемъ. Лочетъ, воспѣвающій самоопьяненіе, возводитъ въ нашъ лишь насмѣшку, ~~враждебно~~ проповѣдующій цѣломудріе — презрѣніе. Мертвая мысль такъ же непрѣложна и мертвое тѣло. Мысль должна имѣть живую душу — и ея душа, это душа ея творца. Вотъ почему намъ теперь недостаточно обладать одинокимъ поэтическимъ произведеніемъ, вотъ почему отъ стихотворенія, поэмы, драмы, романа мы невольно переходимъ къ переживаніямъ поэта, драматурга, романиста и, если путь такого перехода для насъ оказывается закрытымъ, мы уже перестаемъ цѣнить художественныя произведенія и интересоваться

ютъ. Такъ что, если бы мы, вслѣдъ за Платономъ, сказали бы, что поэты не понимаютъ того, что говорятъ, этимъ самымъ бы мы сказали, что поэтическія произведенія намъ не нужны. Повидимому и самимъ Платономъ случилось то-же: онъ не помѣстилъ въ своемъ идеальномъ государствѣ места для поэта.

Ибсенъ въ письмахъ (справедливо) утверждалъ, что въ Перѣ Гюнтѣ онъ обрисовывалъ себя. Если имѣть это въ виду, П. Г. пріобѣтаетъ особенно важное значеніе въ ряду другихъ произведеній Ибсена. Если же на него смотрѣть, какъ на сатиру — тогда онъ теряетъ всякую цѣну. Ибо сатира есть морализированіе, какими словами изображенія человѣческихъ свойствъ по готовымъ шаблонамъ, а это въ концѣ концовъ сводится къ укоризнѣ поэзіи шаблоновъ т.е. къ самому вредному и позорному изъ всего, что можетъ дѣлать человѣкъ. Но Ибсенъ признаетъ, что онъ самъ ничтожнѣе Перъ Гюнтъ: „нельзя же приравнять безъ такого обремененія. Послѣ Брандъ, фразу давшаго И. рецептъ пророка въ Норвегіи и потомъ въ Европѣ, Ибсенъ словами П. Г. (142, 143 ст.) вспоминаетъ пророка:

Обманывать въ не жаркія ихъ рвенье,
Вѣдь не одно и то же время значитъ
И за пророка выдавать себя,
Или отвѣчать за пророка.

Конечно, не одно и то же. Ибсенъ написалъ „Брандъ", а люди рѣшили что Ибсенъ все знаетъ и можетъ пророчествовать. Неужто могу было кричать во всю глотку: я не пророкъ. Аптекарскій помощникъ — добровольно не отставка отъ генеральскаго чина. Но Ибсенъ принявъ чина и ордена все же хорошо зналъ какая имъ цѣна. И смѣялся, смѣялся....